

НАТАЛЬЯ
НЕСТЕРОВА

*Кошки-
мышки*

Наталья Нестерова

Кошки-мышки

«АСТ»

2008

Нестерова Н.

Кошки-мышки / Н. Нестерова — «АСТ», 2008

ISBN 978-5-17-089140-5

Кто сказал, что настоящие мужчины на дороге не валяются? Однажды на тропинке, ведущей к дому, Лида в грязной луже подобрала бесчувственного Максима. И вскоре вышла за него замуж. Их семья – загляденье! Оба красивые, умные, а теперь и обеспеченные – ценные специалисты в процветающих компаниях. Любимый сын, собственный дом, счастливый брак... Чего не хватает женщине, у которой, казалось бы, все есть? А не хватает ей того, о чем не расскажешь ни мужу, ни близкой подруге. Да и самой Лиде представить, как далеко заведет ее новая любовь, непросто. Верный Максим тоже не лыком шит вдруг заявляет, что уходит к другой женщине. Кто та – другая? Не пора ли задаться вопросом, почему десять лет назад сдержанный Максим напился до положения риз и валялся в грязи? Из-за несчастной любви? И теперь та любовь вернулась?

ISBN 978-5-17-089140-5

© Нестерова Н., 2008

© АСТ, 2008

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Наталья Нестерова

Кошки-мышки

Инне Веремеенко, чье изящество и женская хрупкость таят подлинную мудрость

Глава первая

Князи – в грязи

На завистливый вопрос подруг: «Откуда берутся такие мужики?» – я честно отвечала:
– Они валяются на улице.

Своего мужа я действительно нашла на тротуаре. Вернее – на грязной тропинке. В прошлом столетии, десять лет назад, холодной осенью девяносто седьмого года.

Возвращалась поздно вечером. Дождь, слякоть, темнота. Узкая дорожка, по одну сторону глухая стена здания, по другую – ограда детского сада. Противное место, зато путь до дома сокращается на пятнадцать минут. Неожиданное препятствие: на земле сидит мужик. Спиной привалился в дому, ноги вытянул. Конечности у пьянчуги (а кто еще, как не в хлам пьяная зараза?) длиннющие, пятками упирается в забор. Не обойти, а перешагивать боязно. Вдруг очнется, сделает мне подсечку, повалит? Сейчас голова у него на грудь упала, похоже, дрыхнет. Но все равно страшно. Развелось алкоголиков! Ни пройти ни проехать.

Оглянулась назад: возвращаться? Ой, как не хочется. Дождь льет, ноги промокли, зонтик забыла, капюшон куртки не спасает. А почему, собственно, всякой пьяни бояться? Они наклюкаются, спят на дороге, а мы должны обходными путями колесить? Дудки!

– Эй, мужик! – пнула я ногой пьянчугу. – Костыли подбери.

Если он проявит агрессию, успею удрать. Человек, не стоящий на ногах, вряд ли бежит лучше меня.

Алкоголик пошевелился, но не ответил.

– Дай дорогу, говорю! – стукнула его носком ботинка посильнее.

– Что? – поднял голову.

Темно, лица не разглядеть. Только видно, что без шапки, голова как лысая, мокрыми волосами облеплена. Вскидывать не собирается.

– Позвольте мне, пожалуйста, пройти, – на всякий случай культурно попросила.

– Перешагивайте, считайте, что я мертвый, – почти внятно проговорил он и снова уронил голову.

Жалость во мне вспыхнула как спички в коробке, одна за другой, по нарастающей. Почему я сразу: пьянчуга, алкоголик? (Первая спичка.) А может, человеку плохо? (Вторая спичка.) Сердце, инфаркт, язва, ангина (Вся коробка занялась.)... Нет, ангина – из другой области. При ангине лежат в постели, под теплым одеялом, а не валяются на улице под дождем. Мужчина, кажется, не старый, а больной! Точно – сердце. У нас в классе был мальчишка, верста коломенская, чаще по больницам лежал, чем в школу ходил. Говорили – очень быстро растет, сердце не справляется. Этот тоже немалого роста. Вымахал, а сердце отказывает.

– Вам плохо? – присела я на корточки.

– Очень, – не поднимая головы, ответил.

– Сердце?

Он промычал. Можно расценить как согласие.

– Надо «скорую». Но сюда машина не подойдет, до проезжей части почти километр. Что же делать?

– Идите своей дорогой.

– А вы?

– А я буду умирать.

Спиртным от него, конечно, пахло (при пороке сердца водку глушить!). Но еще отчетливо улавливался запах дорогого лосьона. При близком рассмотрении, хоть и в потемках, я отметила: молодой мужчина, лицо безошибочно указывает на то, что это не алкоголик запущенный, а вполне цивилизованный представитель сильного пола. Такого сильного, что на ногах не держится.

– Погодите умирать. У нас медицина передовая. А у вас таблеточки есть? В карманчике? Носите с собой? – Я беззастенчиво шарила по его карманам.

Вывалила содержимое на землю. Связка ключей, пачка сигарет, зажигалка, носовой платок, мелкие монеты – никаких тебе пилюлей. Внутренние карманы. Мужчины самое ценное кладут в те карманы, которых мы не имеем, – на внутренней стороне пиджаков. Расстегиваем ему куртку, ищем, обследуем...

– Девушка, вы меня грабите?

– Ой, дядечка! – В волнении я назвала его «дядечкой», хотя лет больному не намного больше, чем мне. – Вы только подождите бредить, ладно? Черт! Да где же ваши таблетки?

Пухлый бумажник, паспорт, еще какие-то бумаги. Ни намека на лекарства. Телефон сотовый. Престижная вещь, которую может себе позволить далеко не каждый. Как по нему звонить, чтобы сообщить родным о приступе? Нажимаем верхнюю кнопку, загорелся экран, мигнули слова «батарея разряжена», экран погас. И сколько еще не давила я на кнопки, телефон оставался мертвым. Все у бедолаги разрядилось: и телефон, и сердце.

Продолжаю обыск. Лезу глубже, ведь на рубашке тоже есть карманчик. Может, он на груди хранит пилюли.

– Щекотно, – дернулся умирающий.

– Вам точно плохо? – настороженно спросила я, отстранившись.

– Хуже не бывает, – горько заверил он.

Наверное, перед концом, в агонии, всякое происходит. Я не медик! Учусь на третьем курсе экономического факультета университета, понятия не имею, как люди с жизнью прощаются. Если по кино судить, то должны слабеть. По кино судить – глупо, любой ребенок знает.

Затолкала его вещи в собственные карманы. Захватила его лицо ладонями, чтобы на меня смотрел прямо (щеки колкие, утром, наверное, брился):

– У нас два варианта. Слышите? Не теряйте сознания, пожалуйста! Дышите глубже. Или на проспект, – я дернула головой в сторону, откуда пришла, – и там вызываем «скорую» из телефона-автомата. Еще найди исправный, – тихо добавила я. – Или транспортирую вас к себе домой. Путь в два раза короче, и телефон точно работает. Кто принимает решение?

Больной безмолвствовал и смотрел на меня так, будто пришел его последний час и видит он перед собой Смерть, то есть даму в балахоне и с косой. Капюшон куртки, конечно, свалился мне на лоб, но косы-то у меня не было!

– Похоже, решение принимаю я.

– Мрак, – пробормотал сердечник. – Все, отключаюсь.

И действительно отключился. Глаза его закрылись, голова мгновенно потяжелела. У меня было ощущение, что держу в ладонях многокилограммовый арбуз.

– Стойте! – попросила я. – То есть сидите, но не умирайте. Господи! Люди, на помощь! Придите, кто-нибудь! Помогите!

Как же. Людей смыло дождем, унесло в тепленькие квартирки. А человек погибает у меня на руках. Почему у меня-то? Вечно не везет.

Себя потом пожалею. Он дышит? Еще дышит. Значит, потащили к своему дому, что надежнее.

У меня прабабушка на войне служила санитаркой. В восемнадцать лет фигура у бабушки была под стать моей – хрупкая, и рост ниже среднего.

– Бабуля, – спрашивала я в детстве, – как же ты раненых с поля боя таскала? А если он большой и толстый?

– Всякие бывали, – отвечала бабушка. – Легких мужиков не бывает. Один раз полковника эвакуировала. Он случайно на передовой оказался. Из штаба фронта, захотелось пороху понюхать. Сдурел от страха, когда бомбежка началась, не в ту сторону побежал. Ранило всего-то в ляжку, осколком. Наши ребята при таких ранениях сами ползли, а этот – ойкает и верещит. Делать нечего – поволокла. Больше центнера полковник, пузо – как у бегемота. И хоть бы, сволочь, здоровой ногой отталкивался, помогал. Нет, стонет и почему-то не матерится. А у меня последние жилы рвутся.

– Ты бросила бы его, бабушка!

– Раненого? – удивилась она. – И потом, в смысле, когда я его доставила... нет, еще через некоторое время... оказалось, что в штабе фронта он – голова, на троих помноженная.

– Как это?

– Головастый очень. Стратег... Или тактик? – с сомнением спросила сама себя бабушка. – В общем, операции мой бегемотик разрабатывал такие, что солдат берегли, а фрицам пороху давали. Не то что те, кто бойцов за дрова держал, а не за людей. Он-то мне, – с гордостью похвалилась бабушка, – потом два ящика американских продуктов прислал и к ордену представил.

Не знаю! Не представляю, как бабушка волокла своего полковника по кочкам и оврагам. Ордена мне не надо! Но, елки-моталки, как тяжелы мужчины! Я его по ровной дорожке потащила метров сто. Сначала за подмышки подхватив, потом за ворот куртки уцепившись... Согнулась в три погибели, сумка через плечо (как у настоящей санитарки), тяну изо всех сил, а двигаюсь с черепашной скоростью. Так он у меня помрет, до медсанбата, тьфу ты, до больницы не добравшись.

Передышка. Распахнула его куртку, ухо к груди приложила. Сердце, кажется, бьется. Не понять, потому что мое собственное сердце подкатило к горлу и рвется наружу, барабанит в ушах.

В эту минуту мне отчаянно хотелось оказаться дома, в тепле и сухости. Сбросить с себя мокрую одежду, понежиться в теплой благоухающей ванне. Выбраться из нее, когда подруга Майка, потеряв терпение, заявит ультимативно:

– Кисни сколько хочешь, но четвертый раз блинчики я тебе разогревать не стану!

Мы с Майкой снимаем однокомнатную квартиру. Правильнее сказать: снимает Майкин папа, оплачивает. Мы из одного города, но прежде друг друга не знали. Майка училась в школе с английским уклоном, а я – в соседней с домом. Обе поступили в столичные вузы. Непостижимым образом Майкин папа меня вычислил, определенно навел справки о моем моральном облике, удовлетворился и предложил поселиться в однокомнатной квартире вместе с его драгоценной доченькой. Вначале я приняла это в штыки. Мама сказала: «Не торопись, осмотришься, за общежитие ведь тоже надо платить, а с деньгами у нас... сама знаешь». Майка оказалась потрясающей девчонкой. Родители ее баловали, баловали и почему-то не избаловали окончательно. Наверное, здоровую натуру нелегко испортить. Майка – пышечка, очень любит вкусно поесть. Страдает из-за своей фигуры, не попадающей под современные стандарты. Я говорю: «Ты вылитая Мерилин Монро» – и при этом не сильно кривлю душой. Но о Майке речь впе-

реди. Пока же только замечу, что откармливать меня Майка считает своим святым долгом. Да и готовить ей нравится.

Ау, Майка! Где ты? В трехстах метрах и в недостижимой благодати. А я тут, с живым трупом, чтоб он сдох. Нет, нет! Пусть живет. Еще немного протянуть.

Точно полтонны весит... Тяжесть дикая. У мужчин, наверное, кости из свинца... мышцы из стали... вода в их теле заменена на ртуть... Кто сказал, что человек состоит на восемьдесят процентов из воды? Он не исследовал мужчин. Вдалеке, размыто за струями дождя, показалась фигура. Я вскочила и замахала руками:

– Мужчина! Женщина! Кто вы там? На помощь! Сюда! Ко мне! Спасайте!

Фигура, двигаясь неровно, покачиваясь, приблизилась. Оказалось – нетрезвый мужик. Конечно! Кто сейчас на улице остался? Алкоголики, больные алкоголики и я, несчастная.

– Пожалуйста, помогите! – взмолилась я. – Надо его донести до дома.

– Перебрал твой мужик?

Вдаваться в подробности: это-де не мой муж, а человек, нуждающийся в срочной медицинской помощи – мне представилось лишним. Начнутся расспросы, потеряем время, которое для больного на вес золота. Попросить мужика вызвать «скорую»? Уйдет и поминай как звали. Поэтому я кивнула: мол, да, муж надрался – и повторила просьбу.

– Лады, – согласился алкоголик номер два, – мужскую солидарность еще не отменили. А – так, все отменили: революционные праздники, совесть, бесплатную медицину. Водки, свободы и порнографии – завались, а радости нет.

– Может, понесем? – прервала я.

– Берем. Ты – за ноги, я – за плечи. Раз-два, подняли. Поехали.

Сердечника мы оторвали от земли сантиметров на пять. То есть практически волочили по лужам. Кроме того, моего нетрезвого помощника шатало из стороны в сторону. Он ковылял спиной по ходу, с «право-лево» у него было плохо. На мои «вправо» он дергался влево и наоборот. Несколько раз врезался в припаркованные автомобили и в стволы деревьев, падал и чертыхался. Мягко сказано – «чертыхался», вы понимаете. В итоге предложила развернуться: я тащу за ноги «мужа», двигаясь спиной вперед, а добрый алкоголик идет лицом.

Дело пошло быстрее. Промокла я насквозь. Верхнюю одежду промочил дождь, нижнюю – пот. У дверей подъезда, как только я их открыла, набрав код замка, и, подхватив ноги сердечника, собралась втиснуться в проем, добрый алкаш завопил:

– Нельзя ногами вперед! Так только покойников...

– Как? Уже?

– Разворачиваем. Я с головой твоего мужика вперед пойду. Заходи слева, в смысле – справа, крутись.

Наши круговращения напоминали суету бестолковых грузчиков, которые пытаются доставить негабаритный груз. Но «груз»-то был живой! Мы несколько минут менялись местами, при этом то вместе двигались влево, то одновременно вправо. Елозили телом несчастного по площадке у двери. Мои силы, физические и психические были на исходе. Дверь подъезда захлопывалась, я снова ее открывала. Казалось, этому кошмару не будет конца.

На счастье, из подъезда выходил мужчина с собакой.

– Друг, подсоби! – попросил его добрый алкоголик. – Видишь, мужик – вусмерть, а баба его бестолковая.

Возмущаться не приходилось. Я не баба, не бестолковая, мужик не мой. Но скорей бы все это кончилось. Просительню посмотрела на соседа:

– Очень вас прошу!

– Вы снимаете квартиру на втором этаже? – спросил он.

Трезвый. В мире еще встречаются трезвые мужчины.

– Да, – кивнула я – Пожалуйста! Тут обстоятельства, долго рассказывать, а время не терпит. Пожалуйста! Помогите внести больного человека в квартиру.

– Таким больным надо меньше пить.

– Вы даже не представляете, насколько правы!

– Подержите собаку, возьмите поводок, не дергайте. Айк, свои! Прогулка несколько откладывается, но, безусловно, состоится. Тебе придется повременить с отравлением естественных потребностей.

Он разговаривал с псом, словно тот имеет человеческое среднее образование. Я вела собаку и думала о том, как правильно говорить про естественные потребности: их отправляют или оправляют? Нужду естественную точно – справляют.

Со мной случается: в неподходящий момент начинаю размышлять о вдруг возникшем ребусе. И теперь, мокрая и взволнованная, с больным сердечником в придачу, правила русской стилистики мысленно вспоминаю, хотя никогда не была в них сильна.

Айку, беспородной, но очень симпатичной собаке, отчаянно хотелось на улицу. Однако он смиренно подчинился. Только вздохнул совсем по-человечьи, коротко заскулил. На мои причитания: «хорошая собачка, умная, добрая» – не обращал внимания. Собаки со средним и неполным высшим образованием к лести глухи.

Больного сердечника донесли в рекордные сроки, за каких-нибудь три минуты.

Майя открыла дверь на звонок и оторопело застыла. Два мужика держат за руки-ноги третьего, бесчувственного, рядом я с собакой.

– Посторонись, – велела я. – Вносите.

– Куда складировать? – спросил алкоголик.

На секунду я замешкалась. Майя спит на диванчике, я – на кресле-кровати. Укладывать на наши постели грязного, мокрого забулдыгу, хоть и насквозь больного? Перебьется.

– Тут кладите, в прихожей, к стеночке. Спасибо вам большое! Очень признательна! Всего доброго! До свидания!

Майя изумленно тыкала пальцем в длинное тело, занявшее весь коридорчик, и заикалась:

– Эт-то что? К-кто? Откуда?

– С улицы, – ответила я на последний вопрос. – Волокла его от детского садика. Из последних сил.

– Зачем? – округлила глаза Майя.

– Хватит вопросов. Быстро вызывай «скорую».

– Кому?

– Майка, очнись! Человек крайне болен, сердечный приступ.

– У этого приступ? – Теперь она тыкала двумя пальцами.

Валяющийся на нашем полу молодой человек умирающим не выглядел. Под ним растекалась куча грязной воды, да и весь он смотрелся как долго катавшийся по земле субъект. Что, впрочем, не далеко от истины.

– Да! У него порок сердца, быстро рос, видишь, вымахал...

– Ты давно его знаешь?

– Вообще не знаю! – взревела я. – Майка! Звони! Ноль-один, ноль-два или ноль-три – кто-то из них «Скорая помощь». Говори наш адрес, пусть мчатся.

Но Майка не сдвинулась с места и продолжала уточнять:

– Порок сердца? Уверена? У моего брата двоюродного порок был. Ногти синели и губы. А у этого нормального цвета. И харя самодовольная. Кто тебе сказал, что у него приступ?

– Никто, сама подумала.

Подкрадывалось осознание того, что сваяла большую дуру. Такую большую, что даже перед Майкой стыдно.

– Чем ты думала?

– Чем думала, то и получилось, – пробормотала я и принялась оправдываться. – Он говорил, что умирает, что сердце у него...

– Какое сердце, Лида? Посмотри на этого бугая. У него вместо сердца мотор тракторный.

Будто в подтверждение ее слов, молодой человек глубоко вздохнул, повернулся на бок, повозился, удобно устраиваясь. Нос его пришелся точно в обувную полку, еще точнее – в мои туфли. Он еще раз втянул воздух и... захрапел.

– Лида!

В моем имени, как его произнесла Майка, было все: возмущение, испуг, подозрение в сумасшествии, отчаяние и страстное желание услышать от меня внятное объяснение происходящему.

Что я могла ей сказать?

Если откровенно, буйное воображение и способность к самовнушению иногда приводят меня в состояние глубокой паники.

Однажды в детстве, сидя дома, безо всяких поводов, вдруг представила, что маму сбила машина. Мамочка умирает, окровавленную, ее везут в больницу... Последние вздохи – и мамы больше нет. «Скорая», минуя больницу, подкатывает к моргу... Никогда самой дорогой и любимой мамочки больше не будет рядом. Не утешит, не обнимет, не поругает, не посмеется над моими проделками – исчезнет. Буду жить с бабушкой, которая по утрам станет кормить ненавистой овсянкой, ходить на кладбище, где рядом с папиной и прабабушки могилками появится мамина... Отчетливо представила надгробный памятник, как кладу к нему цветочки... Горе захлестнуло меня. К тому времени, когда мама пришла с работы, я уже три часа бурно рыдала. И потом еще долго висела у нее на шее, твердя сквозь икоту: «Ты живая, живая!»

Отлично сдала экзамены в университет. За два дня до окончательных результатов умудрилась внушить себе, что не поступила. Куда мне, провинциалочке, против столичных абитуриентов, у которых и связи, и репетиторы, и взятки. Вернусь домой, пойду работать кондуктором в автобусе, если повезет – лаборанткой в мамин техникум. Учителя школьные расстроятся, а некоторые из подруг позлорадствуют: Лидка-то высоко взлететь хотела, да и приземлилась на пятую точку. Какие математические способности, какие победы на олимпиадах! Не задавалась бы, поступала бы в наш институт, как все. Москва ей кукиш показала, и правильно.

Я собрала вещички, чтобы ехать на вокзал покупать билет и отправляться домой. Завернула в институт, посмотреть на списки только из мазохистского желания сделать себе еще больнее. И даже когда читала в списке поступивших: «Красная Лидия Евгеньевна» – думала, что у меня есть полная тезка. Не такая уж частая у нас фамилия. И моей тезке тоже, наверное, доставалось: дразнили «красной, для быка (варианты: ежа, осла, слона) опасной».

Но потом, конечно, шарики и ролики встали у меня на место.

– Лида? – повторила вопросительно Майка.

– У меня бывает, – призналась я.

– Что бывает? Бомжей домой таскаешь?

– Не только. У меня развито воображение.

– В какую сторону развито?

– Чего пристала? Ошиблась нечаянно. Убить меня теперь? Давай его на лестничную клетку вытащим? Пусть под лестницей отсыпается. Хотя, – тут же я засомневалась, – сосед с собачкой увидит, решит, что мы подозрительные девицы, пожалуется хозяйке, она турнет нас с квартиры.

– Воображение у тебя в самом деле богатое. Лида, а если он очнется среди ночи, ограбит нас или чего хуже?

– О «чего хуже» не мечтай. Шутка. У меня все его документы. Не могу больше! Я мокрая, холодная, голодная, несчастная. Если немедленно не приму ванну, заболею воспалением легких, суставов, мозга.

– В мозге у тебя уже началось. Ладно, иди в ванну, я чай заварю и пюре с котлетами погрею. Ляжем спать – дверь в комнату диваном подопрем, а на кухне и в коридоре воровать особо нечего. Пусть дрыхнет твой алкаш.

Горячая вода, благоухающая пена, мое тело, погруженное в жидкость... Как мало человеку для маленького счастья надо. Желательно, чтобы в коридоре вашей квартиры не храпел неизвестно кто и звать никак. Впрочем, как приبلуду зовут, я скоро узнала.

Пришла Майя, протянула мне чашку чая, села на край ванны и раскрыла чужой паспорт: – Поляков Максим Георгиевич, семьдесят первого года рождения. Значит, двадцать шесть лет? Я бы больше дала, но, может, потому что пьяный и грязный. Не женат, во всяком случае, отметки не имеется.

– Мне чихать на его семейное положение.

– Москвич, – не обращая внимания на мои комментарии, листала паспорт Майя, – прописка постоянная, улица Русаковская, дом..., квартира... Где это?

– Кажется, в районе Сокольников. Майка, нехорошо рыться в чужих документах.

– А кого попало в дом приносить, хорошо? Молчи уж. Тут еще пропуск какой-то. На работу, наверное. Лидка, он старший менеджер в консалтинговой фирме. Круто.

– Никогда бы не подумала, что специалисты по консалтингу валяются на улице. Дернула меня нелегкая!

– А может, ты свою судьбу притарабанила? – мечтательно спросила Майка.

Как в воду глядела. Но тогда Майкины слова показались мне верхом абсурда. Еще не хватало мне женихов с газонов подбирать! Майка – неисправимый романтик. И я презрительно хмыкнула, покрутила пальцем у виска.

– Нет, Лида, правда! – продолжала Майка. – Я же его обследовала.

– Чего-чего?

– Внешне осмотрела. Лидка, он приличный. Хоть и грязный, но не бомж. Ботинки, брюки, рубашка, джемпер, куртка – все фирменное, дорогое.

– Как обстоит дело с его нижним бельем? Без заплат?

– Она еще надо мной издевается! Чья бы корова мычала. Знаешь, сколько стоит его бумажник? Сто долларов, не меньше, у моего папы такой. А в бумажнике...

– Давай присвоим?

Разнеженной, в благоухающей ванне, с чашкой ароматного чая в руках, теперь мне легко было потешаться.

– А что? – прихлебывала я чай. – Нешто не заработала? Не будь меня сердобольной, валялся бы под дождем, простудился насквозь. А сейчас – верх комфорта, спит в тепле, вдыхает терпкий аромат нашей обуви. Сколько возьмем? По таксе. Такса – по нашему усмотрению. Оставь мелочишку на проезд в метро, остальное экспроприируй. Купишь себе сумку новую, а я зимние сапоги справлю. И еще микроволновку приобретем, чтобы не было хлопот с разогреванием ужина для меня. Как там, кстати, пюре и котлеты? Съем все, тарелку оближу. Майечка, куколка, покормишь?

– Ой, Лида! – поднялась моя подруга. – Я тебя иногда не понимаю. То есть периодически часто не понимаю. Два года знаю, а ты по-прежнему сюрпризы преподносишь. То простая как валенок, неприспособленная к жизни, то знания обнаруживаешь, которыми только нобелев-

ские лауреаты владеют. Вроде генома человека. Помнишь? Ты мне рассказывала-объясняла, а у меня только собственная мысль в памяти осталась: какая Лидка умная! С другой стороны, найти дуру, которая пьяного мужика к себе домой тащит...

– Есть хочу! – завопила я и поболтала ногами, на Майю полетели брызги. – Хватит песочить. Голодному человеку психоанализ противопоказан.

– Не брызгайся! Как ребенок, честное слово! Иди, ужинай, я все разогрела. И вытирайся своим, голубым полотенцем, а не моим розовым. Тысячу раз тебе говорила: мое – розовое, твое – голубое. Она еще и дальтоник, неряха, параноидальная личность, – бурчала Майя, выходя. – За что люблю, если моими полотенцами вытирается?

Тело, храпящее в нашей прихожей, не вызывало у меня ничего, кроме презрения и раздражения. Приятно ли видеть свидетельство собственной глупости?

Майка сняла с него ботинки, подложила под голову подушку и укрыла пледом. С определенной точки зрения, проявила о Максиме заботы не меньше, чем я.

Как рассказывал потом Максим, его намеренно отравили, только обчистить не успели. У него были неприятности и настроение хуже не придумаешь. В чисто мужской манере он решил поправить состояние духа. Зашел в бар, опрокинул несколько рюмок коньяку. Не помогло. Заглянул в другой бар, еще принял. Так шел по улице и заглядывал в каждое питейное заведение. О том, что может надраться в стельку, не беспокоился. Сильный, мол, на спиртное, цистерну на грудь примет – и хоть бы хны. В состоянии «хны» он приземлился в каком-то ресторане. Прилипла девица: угости фирменным здешним коктейлем, чего тебе, жалко? И сам попробуй, забойная вещь. Максим и заказал коктейли. И уже после нескольких глотков почувствовал – творится неладное. Его хваленая система обмена-распада алкоголя резко сломалась. Перед глазами поплыло, стены закачались. Тут, на его удачу, в ресторане что-то произошло: милиция нагрянула или бандиты. Девица исчезла, народ забегал. Собрав остатки воли в кулак, Максим побрел к выходу. Далее – черная дыра. Как далеко он ушел от того ресторана, где свалился – ничего не помнит.

Утром очнулся, поняв наконец, что его беспокоит в полусне-полубреду: невероятно давние, заиленные годами и годами младенческие ощущения. Влажное тепло, исходящее от одежды, неприятное и уютное одновременно. Не хватает только голоса мамы: «А кто у нас намочил штанишки? Опять Максенька не попросился на горшок».

«Под себя сходил, что ли? – подумал Максим. – Здравствуй, детство! Кто видел позор?»

Открыл глаза: совершенно незнакомая обстановка. Темные дыры чего-то, напоминающего... Да это же дамские туфли! Откуда? Что-то в ухо тычется. Вытащил, навел резкость, рассмотрел: каблук-шпилька.

Где я? Что вчера было? Помню бар, еще бар, коньяк, еще коньяк... Завязываю пить! ... Бар-шлюха-коктейль... А дальше? Мрак беспомыслия.

Спокойно. Оглядываюсь. Кажется, прихожая. Точно – чужая. С одной стороны – полка для обуви, с другой – стена, оклеенная дешевыми обоями. Под головой подушка в цветастой наволочке. Уже неплохо. Тот, кто дал узнику подушку, не станет его варить в котле со смолой. И пледом укрыт. Спасибо, конечно, за парниковый эффект. Прислушиваемся, принимаемся. Нет, ребята, под себя не сходил-таки, но близок. Срочно и немедленно требуется облегчиться. Если тут имеется прихожая с обувной полкой, то и туалет обязан быть. Остальное – потом.

Встали. Упали. Опять встали и опять упали. Значит, на четвереньках. Держимся. Двигаемся.

Грохот в прихожей услышала Майка. Она чутко спит, а мне – хоть из пушек стреляй. Над нашей с мамой квартирой жил рок-музыкант, репетировавший по ночам.

Выскакивает Майка, халатик поверх ночнушки, и видит: ползет наш алкоголик в сторону кухни на четвереньках, мычит и поскуливает, как человек, которому срочно нужно по-маленькому.

Дочапал до места, две двери. Голову к Майке повернул:

– Где туалет?

– Правая дверь.

– Спасибо.

Из туалета он вышел, покачиваясь, но на двух ногах.

– Руки помыть? – вежливо спросила Майя. – Соседняя дверь, ванная.

Ему бы, конечно, не руки мыть, а всего себя полностью. И одежду с засохшей грязью чистить и чистить.

Максим рассказывал, что в зеркале ванной узнал себя с трудом. Подставил голову под холодную воду и долго держал. Кое-как, ладонью, смыл грязь с одежды.

Возвращение в жизнь, в цивилизацию. Захотелось сделать что-то обрядово культурное, ритуальное, каждодневное. Он выдавил на палец зубную пасту и почистил зубы.

В это время Майя сидела на кухне и терзалась: поить чаем алкоголика или обойдется? Ход ее мыслей был странен и одновременно логичен. Пришелец будет пить чай, есть бутерброды. А колбасы и сыра осталось всего ничего. Лида уйдет в институт без завтрака. Она, то есть я, Лида, и так кандидатка на язву желудка.

За подсчетами кружочков колбасы и пластинок сыра (чайник она все-таки поставила) Майя совсем забыла, что у нас находятся документы и деньги приبلуды.

Когда он появился из ванны, относительно облагороженный, Майка спросила:

– Чаю или денег на такси?

Максим чувствовал, что подкатывает новый этап испытаний. Несколько минут, после холодной воды на затылок, чувствовал себя сносно, зубы – сноб – чистил. А сейчас мутит, тошнит и дурно до невозможности.

– Деньги, – просипел он. – Пожалуйста! Быстро!

Майка протянула ему купюры.

Разбираться: где я, что за девушка, почему тут оказался, ругаться или благодарить, что-либо выяснять – он не мог. Бежать.

Бежать, когда желудок подкатил к горлу, ноги вихляются, руки трясутся, в голове туман – очень непросто. Повиснув на перилах, скользя вниз, Максим кое-как спустился, вышел на улицу. Куда? За угол. Тут и выворотило. Спазмы, судороги сопровождались громкими и отчаянно несимпатичными звуками... Люди на работу идут... Шарахаются презрительно... Правильно, я бы и сам на их месте... Теперь я никогда не посмотрю косо на человека, прилюдно извергающего продукты отравления.

Ответ на вопрос викторины: «Кто наш постоянный друг и враг?» – «Будильник». Спаситель и мучитель. Мы проспим, опоздаем, потеряем знания, шансы, упустим возможности без будильника. И в то же время будильник – вражина, который лишает сладкого сна, грез, вырывает из теплой постели и заставляет теплые ножки спускаться на холодный пол.

Проклинаю будильник (стойкий, уж я бью по нему отчаянно), выбредаю в места общего пользования. Тяну носом: пахнет горячими бутербродами – Майка на посту. Сейчас быстро помыться и выполнить утренний ритуал: Майя впахивает в меня завтрак, я кочевряжусь.

О том, что накануне притащила домой хорошо одетого алкоголика, спросонья начисто забыла. И, уже стоя под душем, подумала: «Откуда в прихожей грязные пятна?» Да, я же вчера...

Сократив процедуру утреннего умывания, выскочила из ванны:

– Майка, а где этот... которого я нечаянно...?

– Ушел. Лида! Садись и кушай. Вот чай, обязательно два бутерброда. Лида, если у тебя откроется язва...

– Сам убрался?

– В общем-то сам. Но сначала он здесь ползал. Лидка, ты спишь как убитая!

– В каком смысле – ползал?

– На четвереньках. Но когда встал на ноги! Лида, он задевал макушкой потолок. Это гигант! Супермен.

– По порядку событий. Почему ползал?

– Не спрашивала. Ползет человек, интересуется, где туалет, значит – надо.

– Дальше.

– В ванной мылся. А у нас колбасы сто грамм и сыра чуть-чуть!

Надо знать Майю. Логика в ее словах обязательно присутствует, только требуется раскопать.

– Колбаса отдельно, мужик сам по себе. Что ты с ним проделала?

– Мне было жалко колбасы, которая для тебя, и я дала ему деньги на такси.

– Великолепно! Майка, ты гений! Я тебя обожаю. Деньги отдам со стипендии.

– Их навалом. Его денег. И документы. Лида, каюсь, я забыла все это ему вернуть.

– Ерунда. Деньги – в общий котел. Документы – в мусоропровод. Забыли, как страшный сон. Аврал! На лекцию опаздываю. Все, умчалась.

Майя училась в коммерческом вузе. У них там вольница. Главное – плату вносить вовремя. А то, что на первых лекциях по утрам сидело полтора человека, деканат не волновало. У нас, бюджетных студентов, – другая история. Прогулы без уважительных причин могли рассматриваться как прямая дорожка к отчислению. Кроме того, дисциплины мы постигали информационно емкие, пропусти два часа лекций – на следующие приходишь баран-бараном. Чтобы догнать, надо в библиотеке сидеть до закрытия.

Вычеркнуть из памяти поступок нелепый, глупый и стыдный – естественно для любого человека. Я не исключение. Забыла бы, как тащила мнимого больного, и никогда не вспоминала.

Майя. Любимая дорогая подруга. Она сыграла в моей судьбе главную роль.

Майку мучило, что у нас остались чужие документы и бумажник. В справочной, по фамилии и адресу, выяснила телефон Максима и позвонила.

Максим тогда еще думал, что обокрали его в баре, и звонит девица, что подсунула отраву. Станет шантажировать, за документы деньги требовать.

Поэтому когда Майя вежливо поздоровалась и спросила, не хочет ли он забрать вещи, Максим с ходу и грубо заявил:

– Слушай меня, путана! Ничего более ты не слупишь. Отдай документы по-хорошему. Или найду тебя. Из-под земли достану, разберу на молекулы и развею по ветру. Поняла?

– Поняла, – обиженно сказала Майя, – что вы невоспитанный, неблагодарный, извините, хам. Его Лида от детского садика волокла, надрывалась, спал у нас, я еще подушку подсунула, деньги на такси дала...

– Погодите-погодите! Вы та самая девушка, в квартире которой я неизвестно как оказался?

– Очень даже известно. Вас Лида принесла, на улице в грязи подобрала, думала – умираете. А вы!

– Извините! Простите! У меня провалы в памяти. Идиотская история. Значит, меня подобрала некая Лида и...

– Потому что у нее бабушка была санитаркой во время войны, – оправдала мои действия Майя.

– Какой войны? Впрочем, не важно. Черт! Представляю, каково бедной девушке было меня тащить.

– На последнем этапе ей помогли двое мужчин, – честно донесла Майка.

– Так, я приблизительно восстановил картину. Диктуйте адрес. Могу к вам подъехать вечером?

Майка, секретчица, ничего мне не сказала. Только упорно отказывалась идти в кино, хотя накануне мы собирались.

Максим появился эффектно. Два роскошных букета держал под мышками, а в руках большие пластиковые пакеты, из которых торчали горлышки бутылок, коробки конфет, зеленая верхушка ананаса, гроздь бананов...

Когда этот Дед Мороз предстал на нашем пороге, я растерялась, хотя и узнала его мгновенно.

– Примите с благодарностью! С моей, – уточнил Максим, – великой благодарностью. Можно пройти?

Он поставил на пол сумки и вручил нам цветы.

– Конечно, заходите. – Майка не отрывала взгляда от продуктовых наборов. – Ой, сколько вкуснятины! Это все нам?

– Естественно. Скромная попытка выразить вам признательность.

«Ничего скромного, – подумала я, когда на свет полезли банки с икрой, крабами, батоны сырокопченой колбасы, сыр и дорогая рыба. – Барский размах. Почти как бабушкин полковник».

Такого изобилия у нас не было, даже когда приезжали Майкины родители.

– Может, взять за правило, – смущенно проговорила я, – по вечерам собирать на улицах падших субъектов? Так, глядишь, и прокормимся.

Максим рассмеялся и посмотрел на меня внимательно.

Я задрала голову и тоже на него посмотрела.

С этого все и началось...

Глава вторая

Слабости сильных женщин

Пропускаю десять лет. Ведь пишут в романах: «С тех пор прошло десять лет». Хотя как читателя подобные пропуски меня всегда возмущали: неужели за целое десятилетие не нашлось событий, достойных упоминания? Герои под наркозом, что ли, пребывали?

Отчасти – под наркозом. Десять лет не прошли, а промелькнули, пронесли, просветили.

Событий, радостных и печальных, открытий, эмоциональных и профессиональных, слез, смеха, ликования, уныния, мелких и крупных ссор, бурных и тихих примирений – всего в моей жизни было в норме. Без перехлеста, но и без скудости.

Дай мне волю, я бы, конечно, живописала наш роман с Максимом, трясущиеся поджилки накануне знакомства с его родителями, свадьбу, постоянную тревогу: мне так хорошо с ним, как не бывает и быть не может. Леденящий страх, который сопровождает только большое счастье: вдруг, оно кончится? Но по сути, в моих переживаниях, как я сейчас понимаю, нет ничего особенного. Сия чаша не минула любую женщину, встретившую своего истинного избранника и соединившуюся с ним.

Тревоги постепенно рассосались и совершенно исчезли, когда родился сын Георгий, Гошка. Начался абсолютно новый жизненный этап, с другими страхами, заботами, радостями. Словно в волшебной сказке: была Лида Полякова (в девичестве – Красная), подающий большие надежды менеджер крупной дилерской компании, прошла через роддом, стала истовой матерью, которой чихать на карьеру. Как Иван в сказке: искупался в кипящем котле – стал царевичем. Чувства, открытия, которые нам подарил сынишка, поистине царские.

Когда Гошке исполнилось три года, мы отдали его в детский сад. Требовалось отдать, потому что ему страстно не хватало общения, бросался на детей во время прогулок и кланялся: «Поиграем вместе?» Имелись проблемы и у меня. Настолько сосредоточилась на ребенке, что потеряла интерес к окружающему. Невольная изоляция сделала Гошку исключительным объектом применения моих недюжинных сил, моей вселенной. И что творится за границами этой вселенной, меня не волновало. Я походила на заключенного, который получает удовольствие от сидения за решеткой. Хотя, конечно, сравнивать маленького ребенка с тюрьмой, кощунственно.

Я вышла на работу. Уже в другую фирму, помельче. Зато быстро взлетела по служебной лестнице. Тут моих заслуг пятьдесят на пятьдесят. Природные математические способности обеспечили родители. Неразбериху в логистике нашей фирмы через несколько месяцев я выстроила в железную схему, и уже никакой пройдоха не мог стырить ящик-другой продукции.

Возможно, вы не знаете, чем занимается дистрибьюторская фирма. Если очень грубо и просто, то мы стоим между производителями товаров и магазинными сетями. Помогаем одним пристроить свою продукцию, другим – пополнять ассортимент. На разнице в ценах получаем очень-очень хорошую прибыль.

Охмурить, соблазнить закупщиков (это профессиональный жаргон: мы – продажники, они – закупщики) никакие логарифмы не помогут. Нужно уметь разговаривать с людьми, убеждать цифрами, фактами и личным обаянием. Тем более, когда предмет твоей деятельности – бытовая химия, от стиральных порошков до средств ухода за обувью.

Мое обаяние не подкачало. Хотя перестала производить впечатление девушки, которую хочется накормить. «Что-то очень естественное, натуральное, доверительное» – не мои слова, суммированные цитаты, – сквозит в моем облике.

Да и верно! Если найдется партнер, который заявит, будто я его обманула или слова не сдержала, – плюньте ему в лицо.

Ныне я с клиентами, кроме очень крупных, не общаюсь, потому как – заместитель генерального директора фирмы. У меня в подчинении три менеджера, шесть торговых представителей, плюс мерчендайзеры и начальники складов. За то время, что я работаю, наши обороты выросли в тридцать раз. Моя зарплата чуть меньше – раз в десять.

Максим по-прежнему занимается консалтинговыми услугами. Его заработки гораздо выше моих.

Мы – молодая семья, хорошо обеспеченная, добившаяся всего исключительно благодаря личным стараниям. Ни богатеньких пап-мам, ни активов, украденных у государства, в нашем прошлом нет.

Трехкомнатная квартира, за которую недавно расплатились, дача (от Москвы далековато, но удобства в доме), две импортные машины, отдыхаем за границей, в рестораны ходим, одеты с иголочки.

Словом, все в нашей жизни было замечательно, пока...

Минуточку. Я ведь про Майку не рассказала.

Она два раза была замужем и родила двоих деток. Майка прекрасная мать, но сын и дочь с ней не живут. Майкиным родителям, когда родился старший, Игорек, пятидесяти не исполнилось. Примчались в Москву, внука в охапку: вам надо жизнь устраивать, у нас малыш получит отличный уход. Игорек при бабушке с дедушкой как сыр в масле катается. А у Майкиных родителей новый счастливый период наступил, и смысл бытия появился. Дедушкины загулы и подозрительные командировки в одночасье прекратились, мчался с работы домой внука купать. Бабушка опять, как в молодости, стала командиршей в доме, распоряжения и суждения которой – истина в последней инстанции. Майка тосковала, но не могла забрать у родителей их отраду.

Она развелась и через некоторое время снова вышла замуж. О ее супругах ничего хорошего, как, впрочем, и плохого, сказать не могу. Типичные представители мужского племени, которым на первом этапе хочется женского тепла, ласки, понимания, уюта. Всего этого у Майки с лихвой. Но на втором этапе оказывается, что постоянная любовь, ласка, участие начинают надоедать, потом – досаждают. И хочется перчика, остренького в отношениях, а не пресного беспросветного поклонения.

Мужья Майку бросали. Я их понимаю, но простить не могу. Майка уникальная женщина, которой при рождении не отпустили ни грана кокетства, или лукавства, или злобы, или вздорности. Она не умеет обижаться, всегда оправдывает поступки людей, которые ей дороги. У нее нет гордости в общепринятом понимании. На нее можно орать и стирать ее словесно в порошок, она будет смотреть на вас сочувственно: тебе, бедняжке, сейчас, наверное, очень плохо, коль беснуешься, дай пожалею. Речь идет о близких, конечно.

Меня саму Майка нередко доводила до белого каленья, что уж говорить о мужьях, которые сбегали от нее к беспутным бабам. Правда, бывшие супруги периодически возникают в ее квартире: поплакаться, отмыться, отъестся, перья просушить, гребень взбить. Чтобы снова кукарекать на стороне.

Во втором браке Майка родила дочь Веронику. Я думала: уж теперь отогреется ее материнское сердце. Не получилось. Бабушка с дедушкой тут как тут: ребенку нужен воздух, фрукты и постоянный уход, который только мы можем обеспечить. Майка безропотно отдала ребенка. Как же, маму с папой лишить радости. А себя лишать – сколько угодно. Видеть детей раз в три месяца, выслушивать от родителей, какие, мол, они герои-подвижники, согласно кивать, благодарить, потом дома, в Москве, плакать от тоски. С трепетом покупать детские

вещички, чтобы потом услышать: «Есть у Игорька уже зимняя куртка, зачем тратилась, а Верочке розовый цвет не идет, у нее щечки бледные».

Меня подобное положение дел, естественно, бесило.

– Твои родители эгоисты, – кипятилась я. – Нарожали бы сами выводок, были бы у тебя братики и сестрички. Как славно сложилось бы твоё детство. Нет! В своё время мама на аборт бегала с полного согласия папочки. А теперь отыгрываются, неизрасходованный запас родительской энергии в ход пустили. Разве ты не можешь поднять детей? Что, у тебя квартиры нет, зарплата нищенская, стирать-готовить не умеешь? Да если бы и были проблемы, пусть помогут материально, а не калечат тебе жизнь. В конце концов, если сильно чадолюбивые, пусть сирот пригреют. Сколько тебе собственных детей ждать? Пока маму с папой инсульты-инфаркты разобьют?

– Тьфу, тьфу, не приведи Бог!

– Меня поражает: они с чистой совестью, ещё и с гордостью, увезли твоих детей, в их головы даже не приходит мысль, что лишили тебя большого счастья.

– Но ведь ничего не поделаешь, – вздыхает Майка.

– Да почему «не поделаешь»? – ещё больше накаляюсь я. – Забери детей, и все дела.

– Лида, как я могу лишить маму и папу счастливой жизни? – обреченно спрашивает Майя.

И вариантов ответа на этот вопрос для неё не существует.

Майкину ситуацию я не раз обсуждала со своим мужем. Требовалось выплеснуть гневные эмоции, которыми, из жалости, не добивала подругу. Обычно, выслушав мои сентенции, Максим заявлял:

– Нужно исходить не с позиции блага для Майи или её родителей, а с точки зрения интересов детей. Где, с кем малышам лучше?

– Им хорошо у бабушки с дедушкой, признаю. Я ведь навещала их, когда у мамы была. Но хорошо не значит правильно. Они вырастят Майку номер два и номер три – безвольных, не подготовленных к жизненным трудностям личностей, которые при любых испытаниях закрывают глаза, падают на спину и трясут лапками.

– А я думал, ты любишь свою подругу.

– Безумно люблю. Что не отрицает объективного взгляда на недостатки её характера.

– Кстати, о воспитании характера. Ты говоришь разумно, но как только дело касается Гошки, твой разум буксует. Пойми, мальчишка должен испытывать, пробовать свою силу, в том числе и физическую, и если он дерется, то это вовсе не значит, что из него вырастет бандит. Я, например, в детстве обожал драться.

– А хвосты соседским кошкам ты скотчем связывал?

– Как это?

– Проконсультируйся у сына. Берутся две кошки, их хвосты соединяются и забинтовываются липкой лентой, отпускаются. Кошки рвутся в разные стороны, реют, мяучат истошно. Восхищенные, в кавычках, соседки выбегают, ловят своих кошек, при этом тоже вопят... Чего ты смеешься? Очень весело, когда твоего сына будут живодером звать? Не сбивай меня с темы. Мы говорили о Майке и её детях.

– Обсуждение бессмысленно. Ситуация не изменится, потому что партнеры не способны к её перемене. Майка безвольна, её родители считают себя благодетелями и отгоняют от себя мысли о том, что лишают дочь нормального женского счастья.

– Ага. Ещё говорят: она же приезжает часто.

– Далее. Собственно – все, кроме уточнения: надо ждать, время покажет.

– А пока?

– Лидочка! Хочу заметить: это типично женская манера – мусолить проблему, из которой сегодня не выбраться. Прогнозов на завтра можно сочинить десятки, и не факт, что события станут развиваться по одному из них...

В этом месте я с возмущением перебиваю мужа. И обвиняю, во-первых, в гендерном снобизме: что за штамп «типично женская манера»? Во-вторых, требую не разговаривать со мной, как с кризисным менеджером, которому предстоит спасти очередную фирму. Наш дом не офис Максима!

Но в чем я не могу обвинить мужа, так это в плохом отношении к Майке. Макс ее обожает, смотрит на нее ласково. Много лет тому назад я даже ревновала ласковость его взгляда на Майку. И успокаивала себя мыслью: «Так океанический гигант, кит-кашалот, например, улыбается мелкому пресноводному карасику».

События, о которых пойдет речь, развернулись удивительно теплой, золотой, багрянцевой осенью две тысячи седьмого года. Нет, ошибаюсь. Ведь с Назаром я познакомилась еще летом, до отпуска.

Это были переговоры двух специалистов. Назар – руководитель отдела сети зарубежных гипермаркетов. Я хотела продвинуть продукцию своих производителей на выгодные торговые площадки. Что с успехом и сделала. В дальнейших свиданиях необходимости не было. По штатным обязанностям наши подчиненные должны обеспечивать соблюдение контрактов, заключать следующие, отслеживать исполнение, организовывать рекламные акции в гипермаркетах и прочее. Но мы с Назаром оставили эти функции за собой.

Можно было бы прибегнуть к отговоркам: так получилось, само собой сложилось. Только неправда. Заинтересованность в общении мы почувствовали с первой встречи.

Помнится, чтобы настроить партнера на благодушный лад, я рассказала анекдот про глупую покупательницу, которая искала стиральный порошок с увлажняющим эффектом. Поскольку мы, продавцы и закупщики, целиком и полностью зависим от кошельков и вкусов покупателей, то обожаем анекдоты про идиотов в магазине. Назар подхватил тему и рассказал о мужике, который искал на полках зубную пасту под названием «Же». Ему объясняли, что такой марки не существует. Дядька потребовал, чтобы пришел менеджер, заведующий секцией. Все в один голос: нет такого бренда. Тогда дядька набрал по сотовому телефону номер жены:

– Люся! Объясни им, какой мы пастой зубы чистим. – И гордо передал трубку.

Оказалось, что жена утром показала ему пустой тюбик и сказала:

– Купи такую же пасту.

Вот он и требовал «Же» пасту.

Когда подписывали договор, я заметила:

– Редкая у вас фамилия – Каун.

– Откровенно говоря, мой дедушка украинец родился с фамилией Кавун, что в переводе означает арбуз. Перебравшись в столицу, дедуля решил отбросить букву «в» для благозвучности.

– А моя девичья фамилия Красная. И представляете, у нас в университетской группе был парень по фамилии Синий и девушка Белая. Нас прозвали Флажками – от российского бело-сине-красного флага. Так и говорили: первыми пойдут сдавать зачет Флажки.

– У вас хотя бы нет проблем с ударением. Меня же называют то Ка\$уном, то Кау\$ном. По правилам ударение ставится там, где выбрал носитель фамилии. У нас дома дебаты. Сын считает, что лучше Кау\$н, а дочери хочется на английский лад Ка\$ун.

– Сколько лет вашим детям?

– Десять и восемь.

– А моему Гошке скоро пять.

Мы еще некоторое время поболтали на посторонние темы. С Назаром очень приятно общаться, говорить, рассказывать, слушать его, продолжать тему, начинать новую.

Он совершенно не похож на арбуз: ни круглых щек, ни бочкообразной фигуры. Среднего роста, поджарый, с лицом на первый взгляд невыразительным, обыкновенным. Но вторым взглядом замечаешь добрые с лукавинкой глаза, правильные черты, мужественность облика. Причем его мужественность отлична от Максимовой. На моего мужа глянешь и сразу ясно: крепость, скала, мощь, уверенность и сила, кулаки чугунные, бицепсы пудовые. Не зли – прикончит мизинцем. Заговорит Максим – и вы обнаруживаете, что гору плоти венчает голова светлая, с умом изощренным и парадоксальным.

Не сравниваю! Упаси Бог! То есть невольно сравниваю. Но все положительное – в пользу мужа. Просто Максим открыт сразу и ясно. А Назар как волшебный кукольный домик, в котором при каждой встрече обнаруживается новая симпатичная комнатка.

Третью или четвертую встречу, по предложению Назара, мы провели в ресторане. Что крамольного? Пообедать и заодно производственные проблемы обсудить. Вошло в привычку: два раза в неделю обедаю с Назаром. Разговор о служебных делах становится все короче, приятное общение – все длиннее. Постепенно ушли рассказы о супругах. Хотя на первых порах я по привычке через слово вставляла «мой муж думает... считает... полагает... шутит...», Максим сделал интересное наблюдение... оригинальное заключение... удивительный вывод...». Назар говорил о жене как о женщине, которая полностью соответствует его идеалам матери и хозяйки дома.

На обсуждение наших семейных дел не накладывался запрет, просто перестало быть интересным. Появились темы, которые хотелось продолжить при новом свидании. Общение приятных друг другу людей – всегда построение виртуального мира, в котором живут только эти двое. Багаж сказанного, собственные словечки и термины, шутки, намеки, постоянные «помнишь, ты говорила...» или «ты был абсолютно прав, когда...» – все это мир двоих, в котором посторонним не место.

Максим не знал о моих с Назаром полуслужебных свиданиях. Но у нас и не принято отчитываться о каждом шаге. Если бы вечерами рассказывали обо всех встречах и переговорах, не осталось бы времени для семейного общения. Хотя я часто просила у мужа совета по тем или иным проблемам. Без его мудрой головы моя карьера не столь бы реактивно неслась.

Еще месяц назад я была бы готова поклясться самым святым, вплоть до здоровья мамы, что у меня нет мыслей об измене мужу. Конкретно-крамольные, они отсутствовали. Мне только хотелось видиться с Назаром, обсуждать книги, спектакли, фильмы, сплетничать о тех, кто стоит по карьерной лестнице над нами, жаловаться на подчиненных и находить поддержку в том, что инициативный умный сотрудник – еще большая редкость, чем мудрый начальник.

Не помню, упустила тот момент, когда перестала мысленно разговаривать с Максимом – пересказывать ему события дня, компенсировать его физическое отсутствие внутренними диалогами. Кажется, это произошло, когда родился Гошка. Но хорошо помню, как стала вести немые беседы с Назаром.

Ехала в офис после очередного «служебного обеда», затормозила на светофоре, увидела, как переходит улицу женщина с сумкой-тележкой. Колесо у сумки вдруг отвалилось, покатило под колеса машин. Женщина заметалась, зажегся зеленый свет, она торопливо потащила искалеченную тележку к тротуару. Гипермаркеты Назара сейчас берут на продажу немецкие сумки-тележки. Подсказать рекламный ход: тетенька по виду среднего достатка, можно – с вязаной мохеровой стародавней шапкой на голове, переворачивает на глазах у публики тележку, показывает на колеса: «Они не отвалятся никогда!»

Сюжет не прошел, но внутри меня появилась копилка с заготовками для бесед с Назаром. Я ждала встреч, потому что страстно желала поделиться с ним идеями, наблюдениями, рассказать анекдот, попросить совет.

Да, правда! Моим советчиком стал Назар. Не потому, что он умнее Максима, а потому что знает специфику моей работы не теоретически, а изнутри.

Кстати, советы мне нужны не для прямого следования им. Чтобы принять решение, мне необходимо пересказать кому-нибудь очень умному суть проблемы, услышать уточняющие вопросы и ответить на них. Почти физически ощущаю, как в этот момент мой мозг начинает гудеть и выходит на полную интеллектуальную мощность. Он сам найдет ответ, который не обязательно совпадет с рекомендацией.

Пробовала использовать в роли подобного стимулятора Майку. Бесполезно. Ей надо все объяснять от ребра Адама, разжевывать каждый профессиональный термин, чтобы в итоге услышать:

– Не знаю, Лида, что и сказать. Только «мерчендайзинг» мне кажется ужасным словом, почти ругательством. Вы что, не можете по-русски изъясняться?

Но с другой стороны, Майка – незаменимый слушатель моих монологов по проблемам семейным, бытовым, личным. Пока Майка охает, ахает, смотрит на меня с трогательной любовью, хлопает ресницами, я успеваю сообразить: Максиму тетю Дашу из Питера, которая живет у нас третью неделю и постоянно указывает, критикует, поучает, надо свести с Виктором Петровичем, вдовцом, соседом по даче, залпом купить им театральные билеты на пять дней вперед. Пусть Виктор Петрович жалуется на свою гипертонию и на козявку, которая пожирает его уникальный виноград. Тетя Даша будет проявлять участие. Ее хлебом не корми, только дай поучаствовать в чужой жизни.

Назар мне очень нравился, меня влекло к нему, ожидала следующей встречи, заготавливала мысли, продумывала наряд, макияж, прическу. И при этом не считала, что веду себя порочно или недозволенно. Мы ведь даже дежурных поцелуйчиков в воздух или в щечку при встрече-прощании себе не позволяли. А нынче все мало-мальски знакомые только и лбызаются.

Первый удар обрушился в самый интимный момент – нашей близости, моей рутинной ночной близости с Максимом. Я представила (нечаянно, подсознательно), что на месте мужа – Назар. И получила громадное чувственное ускорение. Будто все мои ощущения какой-то неведомой силой удесятирили.

Кто был виновником небывалого чувственного взрыва, я осознала, когда все кончилось. И пережила всплеск вины, раскаяния, ужаса. Напрочь забыла, что говорила мужу, когда мы только ступили на тропу амурных утех:

– Ерунду пишут в книжках, будто женщину после акта любви требуется приголубить, обнять и тэ пэ. Если акт удался, то ее следует оставить в покое. Мне хочется наслаждаться послевкусием, парить на своем облачке в сладком одиночестве. И твои объятия мне сейчас... Нет, не то чтобы совсем противны... Но – мимо кассы. Если женщина ничего не получила от близости, тогда – конечно, хоть поцелуй ее за терпение.

Хочу подчеркнуть: мои ощущения, пристрастия и заморочки – только мои. Это не пропись правил сексуальных отношений. Каждой женщине – свое. Я пишу о собственной жизни. Найдете время – пишите о своей.

Возвращаюсь к темной ночи, когда я, потная, взмыленная, с прерывистым дыханием и легкой судорогой в ногах, перекатилась по постели на сторону мужа, обняла его за шею, прилипла к груди, заикаясь твердила:

– Ты у меня! Ты у меня! Единственный. Только ты! Мне с тобой! Только с тобой хорошо...

– Д-е-л-а, – медленно, нараспев проговорил Максим. – Конечно, я у тебя единственный. Но если сейчас не ослабишь хватку, то задушишь *единственного*, – последнее слово Макс произнес, почему-то хмыкнув. – Расслабься. Вот так, хорошо. Слезы? Ты плачешь? Лида, скажи мне откровенно, только откровенно! Почему ты плачешь? Очень важно, чтобы ты сказала правду.

Возможно, существуют женщины, которые способны в подобную минуту признаться, что видели на месте мужа коллегу по работе, соседа, друга детства пропойцу-бомжа, президента Америки или рок-звезду, Буратино или Чебурашку, Фауста или Гёте, кентавра или Конька-Горбунка. Не исключено, что потом, погрузившись в дебри доморощено психоанализа, обменявшись эротическими бреднями, супруги обретут новую степень взаимопонимания. Пусть живут долго и счастливо, копаясь во взаимных фантазиях.

Говорю только о себе. Плохо ли, хорошо ли, но к числу откровенных до стеклянной прозрачности женщин я не принадлежу. Сказать любимому мужу, что ты не способен меня удовлетворить, как Вася, сантехник, или Пал Палыч, начальник? Извините!

Никаких сантехников и начальников не имелось. Только Назар. Все равно это будет удар – удар по самой уязвимой точке мужского самолюбия.

Калечить родного мужа из-за собственной прихоти (или похоти)? Нет, уж лучше выкрутиться с помощью вранья.

– Лида, говори! – шептал мне в ухо Максим. – Пожалуйста, говори!

Слезы высохли. Решение не признаваться окаменело.

– Уй! – отстранилась я, воткнула палец в ухо и потрясла. – Не щекотись!

Далее нужно было сказать что-нибудь смешное. Для разрядки. Мы с Максимом всегда сбиваем пафос момента юмором и шуткой.

Когда он предложил мне выйти за него замуж, то написал шуточный «брачный договор». Читала его и хохотала, и плакала от счастья. Но когда пришел Максим, притворно официально, нехотя сказала:

– Поскольку на большинство вопросов ответ «да», вынуждена принять ваше предложение.

– Да здравствует статистика! – подхватил меня Максим.

Кружил по комнате. При этом не исключено, что догадывался: мое «да» созрело через месяц после нашего первого общения и далее принялось расти ударными темпами.

А может, не ведал, не догадывался. Не знаю. Теперь я ничего не знаю. Мы с Максимом откровенны, но не до изнанки. Трудно пояснить.

Представьте себя деревом. У вас есть ствол, ветви, веточки и листья. Посторонние люди срывают листья (общаются), видят ветви, то есть складывают о вас мнение. Но под землей дерево имеет не меньшую систему, чем над почвой. Заглянуть в темноту мы пускаем немногих. Кто-то оголяет свои корешки быстро и с радостью. Майка, например. Ее мужики вырывают с корнем, сажают в горшок и через некоторое время забывают поливать – лень, надоело, прискучило.

Максим знал мои корни, но не все, как выяснилось. Боковые побеги ускользнули от его внимания. И теперь мне нужно срочно брякнуть что-нибудь веселое и остроумное. Чувствую: Макс напрягся, мышцы стальные, голос звучит ровно и ласково, но усилия к нейтральности тона прикладывает, как чует мой тренированный на его интонации слух. Что-то заподозрил. Хотя, объективно, мог бы гордиться, доведя супругу до визга экстаза.

Итак, соврать быстро, достоверно и трепетно. На помощь приходит давний детский страх – боязнь маминой смерти.

Слезы (уж теперь не разобрать, по какой причине, скорее – по совокупности причин) потекли легко, вновь и благостно.

– Максинька! – хлопала я. – Представила, что ты умер... И у нас в последний раз... Больше никогда... и чтобы запомнить... О, мой ненаглядный!

– Что ж, – сказал Максим и погладил меня по голове, – вполне убедительно. Только не рассказывай, как мысленно хоронила маму, а следом мужа.

Взял меня двумя руками за плечи и отложил в сторону – голова прилась точно на подушку. В этом было что-то напоминающее перекладывание ненужной вещи. Но сил анализировать жесты Максима у меня не имелось.

– Спи, а я – водички попить. – Он встал с кровати.

– Проверь Гошку, укрой, если одеяло сбросил.

– Конечно. Спи.

И я быстро уснула. С сознанием отпущения грехов. Самоотпущения. Главное ведь себя оправдать, а до Бога далеко, и некогда ему на всякую мелочь разбрасываться.

Глава третья

За двумя зайцами

Выяснение отношений с Назаром я спровоцировала сама, хоть и не планировала. Подслушала болтовню двух молоденьких сотрудниц – в туалете. Где еще, как не в сортирной кабинке, получишь интересную информацию.

Девушки мыли руки и прихорашивались перед зеркалом.

– Нашей Леди сегодня после обеда не будет. – (Это обо мне.) – У нее встреча с Кауном.

– Как думаешь, они спят, любовники?

– Вряд ли. Если бы у меня был такой муж, как у Лидии, я обходила бы всех мужиков большой стороной.

– Но и Каун классный мужик.

– Согласна. Вроде ничего особенного, а шарма с переливом.

– Говорят, он бабник, каких поискать.

Тут, заинтригованная, я замерла, тихо задрала вверх коленки, чтобы в щель под дверь не увидели мои туфли.

Вторая девушка озвучила вопрос, который крутился у меня на языке:

– Кто говорит?

– Светка из пиарслужбы, у нее приятельница с Кауном работает. Он ни одной смазливой юбки не пропускает.

«Юбки смазливymi не бывают, – мысленно поправила я, – только лица. Чертовы сплетницы!»

– Все мужики сволочи, – перекрикивая шум электрической сушилки, – заключила первая девушка.

– Не так хорошо с ними, – поддержала вторая, – как плохо без них.

Они, мои подчиненные пигалицы, еще и философствуют!

– Давай, как наша слиняет, – (опять обо мне), – прошвырнемся по бутикам? Может, где скидки объявили.

Ушли, хлопнула дверь. Я выбралась из укрытия. Подошла к раковине, посмотрела на себя в зеркало. Физиономия собственницы, которой минуту назад объявили о разорении.

Открываем воду, плечем на руки жидкое мыло. Все – медленно, чтобы успокоиться. Какое мне, собственно, дело, изменяет Назар жене или хранит верность? Пусть он будет бабником в квадрате, кубе, в десятой степени... Нет, клоочет обида, не унять. Сушим руки, не торопясь, до остановки автомата. Как обычно не действуем – остатки влаги по платью не размазываем. Остановилась, замолкла сушилка, а мы ее снова включаем, давим на кнопку...

Уже лучше. По крайней мере на лице удалось восстановить деловое официальное выражение. Можно двигать в офис.

Перед отъездом на встречу с Назаром обеим сплетницам я задала работы под завязку и сроки указала: через два часа приеду, отчитаетесь.

По бутикам шнырять в служебное время – разбаловались! Хотя я прекрасно знала, что в мое отсутствие работа в конторе теряет скорость, вплоть до полного торможения. Сама такой была: если начальник далеко, а поручение до завтра терпит, то самое время заняться личными делами.

Наука руководить – это серьезная и отдельная тема. Вернусь к ней, если повод появится.

А пока – ехала на встречу с Назаром, и силы, убеждающей разум, не хватало, чтобы выкинуть из головы пошлые слухи.

Так подруга моей мамы, тетя Наташа, милая пожилая одинокая женщина, похоронив свою любимую кошку, каялась:

– Знаю, что вам уже надоела разговорами о Милочке. Простите. Но Милочка обладала удивительной душевной организацией...

И мы в тридцать пятый раз слушали, как Милочка справляла нужду в унитаз, чувствовала, какой сустав у тети Наташи болит, на него ложилась и грела.

Назар – это даже не кошка. Кот! Котьяра! Я и не подозревала, что запрыгивает на каждую встречную...

– Ледок? У тебя все в порядке? – спросил Назар в ресторане, когда мы сделали заказ.

Он меня так звал – Ледок. Я не противилась. В том, что твое имя переименовывают на ласковый лад, есть что-то интимное и приятное.

Назар в свое время попросил разрешения звать меня по-своему:

– Тебе не будет обидно? Не Лыдина, а Ледок – тонкий, прозрачный, но крепкий и чистый?

Я благодушно улыбнулась и сказала, что меня устраивают любые варианты моего имени, кроме Лидуха. Потому что так меня дразнил хулиганствующий соседский мальчишка: «Лидуха – четыре уха». О том, что пацан регулярно норовил подловить меня в темном углу и отыскать лишние уши, я умолчала.

Только добавила:

– Он отбывает срок в колонии. Без моей помощи, – подняла ладони в жесте исключения участия. – За ограбление пивного ларька.

– Приятно иметь дело с женщиной уникальной биографии, – улыбнулся Назар.

Официант принес мне солянку, Назару – украинский борщ.

Тетя Наташа, та самая, с кошкой, диетолог в пансионате для руководящих работников министерства финансов, с детства мне внушала: «Никогда не бери в местах общественного питания солянку! В нее кладут испортившиеся продукты: тухлую колбасу, позеленевшие сосиски и прочие гадости». Но я люблю солянку из отбросов. Хоть тресни! И у меня совершенно не получается сотворить это кулинарное чудо на собственной кухне. Сколько ни пыталась.

Назар, как правило, заказывает борщ. И каждый раз поясняет его недостатки. Хохол, москвич в третьем поколении, а борщ для него – кулинарная святыня.

– Чесноку не доложили, – сообщил Назар, отправив первую ложку в рот, – и уксуса плеснули для кислоты. А кислинку в настоящем борще делает морс. В России морсом называют холодный фруктовый компот, а на Украине – это соус на основе помидоров. Моя бабушка до сих пор морс летом заготавливает и присылает нам. Считает, что без ее морса наши борщи – помои. Кстати, когда бабушка приезжала в Москву, я повел ее в ресторан, заказал щи, бабуля хотела устроить скандал. Мол, проходимцы недоваренный борщ за сумасшедшие деньги втюхивают – ни тебе свеклы, ни морса, ни заправки. Еле удержал. Объяснил, что русские щи такие и есть по рецепту. Бабуля сказала, – тут Назар перешел на украинский: – «Москали супу доварыты нэ можуть, а ще нам указують, як жыты».

Назар рассуждал о морсах и борщах, я водила ложкой в горшочке с солянкой. Какие борщи, морсы, бабушки, когда у меня звенит внутри от возмущения!

Но заговорила я на служебные темы:

– Стиральный порошок «XXX» мы позиционировали неправильно. Как замечательное средство для стирки цветного белья. При этом расфасовка от пяти до семи килограммов в пакете. Хозяйке покупать пять килограмм только для цветного белья не рационально, ведь придется еще приобрести порошок для белого белья. А это деньги, плюс место, дополнительных тридцать квадратных сантиметров в маленькой ванной или на малогабаритной кухне, где

стоит стиральная машина. Логичней «XXX» представить универсальным средством, которое отбелит белое и вернет краски цветному.

Попутно и честно замечу: нас не волновало, может ли «XXX» выполнять заявленные функции. Думайте и решайте сами. Если вы не зомбированы рекламой, обладаете знанием химии в объеме средней школы, то легко поймете, что химических средств отбеливания существует лишь два: хлор и перекись водорода. Пропорции рассчитать несложно. При скудости бюджета легко можете за три рубля стирать белье с тем же эффектом, что при дорогих средствах. И я тоже могу, но покупаю известные бренды. Идти в аптеку, приобретать перекись, смешивать ее с хозяйственным мылом (гениальное изобретение!) и так далее – мне недосуг. Как, очевидно, и вам.

Назар согласился с моими доводами, и мы быстро набросали схему ребрендинга (это когда вам втюхивают старый товар в новой упаковке).

И вернулись к личному общению.

– Солянка оставляет желать? – глядя на моиковыряния ложкой, спросил Назар. – Вообще солянка...

– Знаю. Делается из отбросов, испорченных продуктов. Но у меня, очевидно, низменные вкусы и грубые пристрастия.

Произнесла это со смешком (старалась), однако Назар легко уловил посторонние нотки в моем голосе.

– Ледок! «Низменные», «грубые», пошлые, вульгарные – эти термины, а также: общепринятые, обычные, для всех привычные – тебе не подходят совершенно. Ты – уникальная женщина, редчайшая. Среди полевых трав выросшая роза. Неведомыми ветрами занесло семечко, и из него выросла чудесная роза.

– Спасибо. Милый комплимент. Выдает в тебе опытного бабника.

– Кого? – поперхнулся последней ложкой борща Назар.

Подошел официант, убрал горшочки: Назаров до дна выхлебанный и мой чуть тронутый. Тут же подскочил второй официант, поставил блюда со свиной отбивной для Назара и рыбным филе без гарнира для меня.

Мы даже не посмотрели на тарелки.

– Ледок, ты назвала меня бабником?

– Только повторила, что несет о тебе народная слава. Ошибается?

Хотела говорить отстраненно и безучастно, но, скорее всего, не получилось.

Назар ответил не сразу, после продолжительной паузы, во время которой я успела десять раз мысленно обозвать себя идиоткой.

– Народная слава не ошибается, – сказал Назар.

Горько, оказывается, бывает не только на языке, но и за грудиной, где отсутствуют вкусовые рецепторы. Именно там я чувствовала ядовитое бульканье. Впрочем, ведь говорят: горько на сердце. Да чего мне горько-то? Какое мне дело, сколько у Назара было любовниц? Он мне не муж, не сват, не брат, не объект для улучшения нравственности. Пусть у него будут эскадроны баб, дивизии воздыхательниц, полки любовниц. Мне-то что?.. Ничего. Всех его бывших – к расстрелу!

– Л-е-дд-ок! – перекатывая мое имя на языке как сладкий леденец, произнес Назар.

И при этом смотрел на меня с обожанием такой мощи, которую не способен выдать прожженный бабник. Хоть вы меня четвергуйте – не способен! В противном случае придется признать, что он умственно отсталый.

У моей мамы есть подруга, которая в пятьдесят лет родила дебила. Ванька – тихий, добрый и славный. Но любит только бабочек. Когда их видит летом, трясется от счастья. А зимой целыми днями трогательно гладит стекло рамок, под которыми припиленные бабочки. Мы Ваньке дарим исключительно бабочек за стеклом.

– Спасибо! – надтреснутым голосом проговорил Назар.

– За что?

– За твою реакцию.

Если вам не удалось держать эмоции в узде, нужно объяснить их посторонними причинами – элементарное правило бизнес-общения.

– Ты смотришь на меня столь трепетно, что напомнил знакомого дебила.

– Не надо, Ледок, – отмахнулся Назар. – Мы оба знаем приемчики нейро-лингвистического программирования. Они не работают с по-настоящему дорогими людьми.

Не кстати или, напротив, очень кстати, подошел официант и поинтересовался: не нравятся горячие блюда, ведь не едите? Мы посмотрели удивленно. О каких блюдах идет речь?

Официанта мы попросили нас не беспокоить и подходить, когда дадим знак.

– Ледок, я расскажу тебе то, в чем не признавался никому в жизни. Сие не есть страшные тайны, но выворачиваться наружу не в моих правилах.

Назар замолчал. Я не торопила. Через несколько секунд он продолжил:

– Считается, что период гиперсексуальности начинается в юности. У меня он с пеленок. Я влюблялся еще до детского сада. Родные посмеивались надо мной, и я научился прятать свои чувства. Девочки, девушки, женщины меня завораживали. В них было волшебство, сказка, они дарили ощущения, от которых вибрировала каждая клетка моего тела. Я росмышленым и быстро понял, что главное в амурных делах – не бегать за девчонкой, а подстроить так, чтобы она сама тебя добивалась. В средней школе я был известным ловеласом, очередь из девочек, желающих получить меня, выстраивалась. Что-то вроде переходящего приза на конкурсе красоты. Хоть месяц-другой, но посидеть на королевском троне.

– Мальчишки тебя не били?

– Нет, – помотал головой Назар, – завидовали. Сам кому угодно мог наkostenять. В свободное от тисканья в подъездах время занимался спортом, борьбой. Лилю я встретил, когда мне было семнадцать лет. Ей – тридцать. Она была женой моего дядюшки, с которым общались мало, потому как дипломат, сноб и вообще неприятная личность. По его службе они в Брюсселе пребывали, а тогда в отпуск приехали. Я увидел Лилю и пропал. Сногшибательно красива – это, ладно. Мало ли симпатичных девчонок. Но все они – как полевые цветы без запаха, фото из книжки «Растения Среднерусской возвышенности». Лиля – вне каталогов, классификаций, ярлыков и календарей цветения. Она казалась вечно прекрасной. Как роза – свернется бутончиком или распустит лепестки – постоянно прекрасна.

«Меня он тоже с розой сравнивал, – ревниво подумала я. – Хоть бы названия цветов менял».

– Влюбился, заболел Лилей со страшной силой. Примитивные амурные школьные уловки тут не проходили. Но остановить меня не смог бы и танк. Я сам был танком, который желал либо взять высоту, либо погибнуть. Опускаю подробности, но в итоге Лиля стала моей женой, расписались, когда мне восемнадцать исполнилось. Родня была шокирована: пусть я, пацан, ополоумевший от гормонов, но Лиля! Отказаться от роскошной жизни, от светских связей, от денег, поездок, автомобилей и прочего, прочего... Ради мальчишки, который на десять лет ее младше?

– Очевидно, Лиля тебя очень любила.

– Конечно. И не в прошедшем времени – любила, а и сейчас тоже. Как и я ее.

– Тогда почему «бабник»?

– Не торопи. Лиля со мной вынесла нищету, безденежье и прочие прелести, которые дарит муж-студент, хоть он и вкалывает вечерами на трех работах. Лилия хотела детей. Если бы она хотела ужей, змей, удавов, я ограбил бы серпентарий. Дети – пожалуйста. Плодимся и рождаем. Мои дети выросли в чужом белье – знакомые отдавали тряпки, которые собственным детям уже не годились. Родители, конечно, сняли бойкот, когда сын родился, помогали. Но все равно нам лихо пришлось. Однажды... интимная деталь, но я тебе расскажу. Однажды Лилия мне говорит: «Прокладки женские, без них можно обойтись, ведь наши мамы обходились. Лучше на сэкономленные деньги купим тебе ботинки». Представляешь? Это женщина, которая с детства привыкла к роскоши! Отказывает себе в прокладках ради ботинок для меня! Как бы ни сложилась моя жизнь, что бы в ней ни приключилось, Лилию и детей я не оставлю ни-ко-гда.

«А бабник-то при чем?» – снова хотелось спросить мне. И очевидно, мой нетерпеливый вопрос легко прочитался на лице.

Назар на него ответил:

– Жене я изменил через полгода после свадьбы. Сокурсницу тра... в смысле – с одной студенткой переспал. Честно – казнился. Но недолго. – Назар улыбнулся своей фирменной донжуановской улыбочкой. – Дальше пошло-поехало. Понимаю, звучит нелепо: не могу устоять перед женской красотой, но это факт и та самая моя страшная тайна. Женщины – мой наркотик, и я отдаю себе отчет, что наркоман. Но еще не придумали больниц, где лечат от...

– Похоти.

– Можно и так сказать. Но за редким исключением со всеми своими... подругами я нахожусь в прекрасных отношениях и благодарен им за минуты близости.

– Лилия знает о твоих похождениях?

– Ни боже мой! Ей в голову не могло прийти, что, работая как вол, выматываясь как собака, помогая ей с детьми и по хозяйству, я еще и на стороне промышляю. Такое редкий мужик выдюжит, – не без хвастовства сказал Назар. – А я справляюсь. Хотя если честно, в последние годы обороты снизил.

Он гордился своей распушенностью! Рассказывал мне и плавился от самолюбования. Доморощенные Казановы всегда вызывали у меня брезгливость. Летают по бабам как мухи по помойкам, заразу переносят. Но к Назару я отвращения почему-то не испытывала. И злилась не столько на него, гуляку, сколько на себя – за отсутствие здоровой реакции.

Взмахнув рукой, подозвала официанта. Попросила убрать остывшую рыбу и принести кофе. Назар тоже не притронулся к мясу и заказал чай.

Смотрел на меня внимательно-грустно, как смотрят, наверное, на человека, которого выбрали в исповедники, а этот человек не грехи отпускает – возмущается.

– Шокировал тебя, Ледок, – не спросил, констатировал Назар. – Но подумай: зачем мне было темные стороны своей натуры оголять перед тобой.

– Действительно: зачем?

– Потому что ты в моей жизни – встреча необыкновенная. Без ложной скромности: я знаю женщин. Но ты! Перечеркиваешь все мои знания. Ты – открытие, которого я не только не ждал, но и не подозревал о его возможности.

– Мерси. Уж что-что, а комплименты говорить ты научился.

– Лида! – с болью проговорил Назар и потер лицо ладонями, словно к нему прилипли мои последние слова и надо их счистить. – Лида! – повторил он. – Неужели ты не понимаешь, я все рассказал, потому что не хочу дурить тебе голову, лукавить, обманывать, вселять ложные надежды.

– О каких надеждах речь? – встрепелась я.

Назар накрыл мою руку своей и легонько сжал:

– Ты мне безумно нравишься. Думаю о тебе постоянно. Только не говори, что равнодушна ко мне. Не поверю. Ты каждый день красивее, чем вчера. А это верный признак влюбленности.

– Чьей?

– Моей – безусловно. Но и ты переменялась. Игнатов из Роспотребнадзора, помнишь его?

– Заикается и мычит? Хотя специалист грамотный, с ним только письменно можно общаться, устно Игнатова не понять.

– Потому что матерится через слово, что при дамах непозволительно, вот и остается одно заикание с мычанием.

– При чем тут Игнатов?

– Недавно виделись, и он сказал мне, перевожу с матерно-заикательного на литературный, что ты всегда была интересной женщиной, а в последнее время стала совершенно обворожительной. Игнатов предположил, что ты завела любовника.

Я вспыхнула, польщенная и возмущенная:

– Бред! У меня нет любовника.

– Но мы на верном пути...

– Назар!

– Тихо, тихо! – снова накрыл мою руку. – Не надо кричать. Мы ничего преступного не делаем. И не дети, чтобы играть в кошки-мышки. Лида, давай признаем: ты нравишься мне, я нравлюсь тебе, нас тянет друг к другу со страшной силой. Но мы несвободны. Семьи, дети, супруги – мы повязаны крепко и пока неспособны эти узы порвать.

«Пока... Оставил-таки лазейку», – подумала я.

– Но почему мы должны наступать на горло собственным чувствам? Нашим близким будет легче, если мы превратимся в страдающих меланхоликов?

«Вот так соблазняют честных женщин, – пронеслось у меня в голове. – Ничего страшного, даже приятно, волнительно, щекочет нервы».

– Не тороплю тебя, – говорил Назар, – подумай над моим предложением.

«Каким предложением? – хотелось воскликнуть мне. – Снять квартиру с большой кроватью, на которую перенесем наши свидания?»

И далее буйная фантазия рисовала, как мчусь в рабочее время к любовнику. Принимаю душ после акта близости...

Про необходимость душа мне рассказывала одна из Флажков, Лиля Белая, замужняя женщина крайне легкого поведения. Она говорила: выдает запах чужого парфюма. Вы же елозили тело по телу, запах остается. Хочешь узнать, изменяет ли тебе муж, обнюхай его вечером, когда пришел с работы. Только профессионалы знают, что нужно помыться, хотя времени обычно тык-впритык.

Каюсь, несколько раз я Максима обнюхивала. Старалась делать это незаметно, а получалось неуклюже. «Путом пахнет?» – напрягался муж. Он не переносил скотский запах несвежих подмышек. И человек, от которого несло путем, мгновенно записывался Максимом в вонючки. Хотя внешне, конечно, Максим никак не проявлял своей брезгливости.

– Горю! – Назар посмотрел на часы. – Еще две встречи, а вечером сегодня важный футбол, наши играют с Англией.

Так легко: объяснение в любви, предложение вступить в тайную связь, а следом деловые встречи и футбол. Обижаться глупо. Время делового человека спрессовано жестко. Сама торопливо говорю в телефонную трубку маме: «Лекарство высылаю. Береги себя! Обнимаю, целую!» А ей хотелось рассказать про гипертонический криз, каких страхов натерпелась ночью, как приехала «скорая», как вели себя врачи. Но мне некогда, надо еще умудриться

вырвать полтора часа, заскочить в аптеку, потом в курьерскую фирму, которая доставит лекарство уже завтра.

Назар расплатился по счету. Мы поднялись и пошли к выходу. Назар положил мне руку на талию, как бы по необходимости – рулить между столиками. От его руки шло тепло, способное превратить в безвольную куклу гордую женщину.

Состоянию моему подходило слово «лихорадка». Удобный термин. Лихорадка – это и герпес на губе, и высокая температура, и кризис в экономике, на бирже, и трясущиеся руки, и клацающие зубы, и сумбур в голове. Последнее – точно про меня. Но все-таки приехала в офис. Затребовала отчет у двух сплетниц, которые, задери их нелегкая, втянули меня в объяснения с Назаром. Работа была выполнена на «четыре с минусом», но я нашла, к чему придраться, и выставила им по «двойке», велела завтра переделать.

Затягивала время, листала бумаги, плохо понимая, что в них написано. Страшно ехать домой, увидеть Максима. Хотя он и не мог знать про мои шуры-муры, было стыдно. Страх и стыд – сочетание неприятное, но подперченное игрой с опасностью, азартом. На чашах весов перспектива больших удовольствий и возможность роковой потери. Удовольствия всегда перевешивают.

Как назло, сегодня Максим придет рано. Футбол. Наши с кем? С Францией? Нет, с Англией, кажется. Подожду еще немного, пробок на дорогах не будет, народ прилипнет к телевизорам. А после матча не исключены беспорядки. Вот еще дело: позвонить родителям Максима. Они живут недалеко от Лужников, пусть не выходят из дома за хлебом, например, когда толпа хлынет со стадиона. Проявила заботу, ее оценили, поблагодарили за беспокойство.

Анна Петровна и Георгий Сергеевич прекрасные люди. Вместе с замечательным мужем мне достались чуткие, умные, деликатные свекровь и свекор. У нас полная гармония. Только умалишенная способна разрушить эту гармонию. Из маленького зеркальца пудреницы, когда я красила губы, на меня смотрела вполне умалишенная особа. Делать нечего, надо ехать домой.

Матч уже начался, когда я вошла в квартиру. Максим и Гошка сидели на диване. На маленьком столике перед ними стояли бутерброды (вместо нормального ужина, который обязана приготовить хорошая жена и мать), высокий стакан с пивом для Максима и такой же стакан с яблочным соком для Гошки. Сок не магазинный, а свежавыжатый. Еще один пунктик Максима: поить нас натуральными соками. Аптечные витамины считает вредными, поскольку они препятствуют усвоению организмом витаминов из продуктов. Купил соковыжималку, пропускает через нее фрукты и овощи, экспериментирует на жене и сыне. Если вам предложат мультисок из томатов, сельдерея, петрушки, винограда и свеклы, не соглашайтесь – пойло. Мы с Гошкой отстаивали право пить сок односоставный – если томатный, то томатный, если грушевый, то грушевый, тыквенный так тыквенный.

Сидят на диване рядом. Мои самые дорогие и любимые. Гошка, я знаю, к футболу относится без восторга, мал еще. Но рядом с папой, который поясняет, комментирует:

– Как ведет, как ведет! Отличная передача! Мазила! Ребята, бегаем, а не спим! Угловой. Гошка, ты усек, почему угловой?

– Сек, – отвечает Гошка, подыгрывая отцу. – Папа, есть полузащитник, а есть полунападающий?

– Они все сейчас... ох, елки, какой пас!... полунападающие... на треть нападающие... на четверть... ну, давай, родной, давай!

– Давай! – вторит Гошка.

Опустившись в кресло напротив, я наблюдала за ними, умилялась. И все-таки мысли мои были далеко: за тридевять земель, в другом конце Москвы, где так же с сыном у телевизора сидит человек, который внес в мою душу большое смятение.

По причине сумбура в голове, я допустила глупые промашки.

Мяч закатился в ворота, и я захлопала в ладошки:

– Ура! Гол!

Мой деланный восторг должен был потонуть в воплях Максима. Когда наши забивают, он беснуется как юный марал.

Теперь же я кричала в недоуменной тишине.

– Мама! Это нашим забили. – На Гошкином лице была детская обида, которая случается, когда авторитетные взрослые выставляют себя глупыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.